

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК
—
BYZANTINA ХРОНИКА

Том 102

2018

Редактор тома
академик РАН И.П. МЕДВЕДЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2019

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4
В42

Рецензенты

доктор исторических наук А.В. ПОДОСИНОВ,
доктор исторических наук И.С. ФИЛИППОВ

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ
в 1894 году

Византийский временник = BYZANTINA XRONIKA / Ин-т всеобщей истории РАН; исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — М. : Издательство Московского университета, 1894—. ISSN 0132–3776.

Т. 102: 2018 / Ред. И.П. Медведев. — 2019. — 376 с.; ил. — ISBN 978-5-19-011360-0.

В предлагаемом вниманию читателя очередном томе старейшего академического ежегодника представлены работы по различным проблемам истории и культуры Византии и сопредельных стран. В центре внимания авторов тома проблемы военного строительства империи, церковно-политическая организация Византии и ее соседей, представления христианских авторов о библейской истории и хронологии. Концептуальный характер носит статья Р.М. Шукурова, где впервые в мировой науке сделана попытка дать обобщающую характеристику образа Персии и персов в культурной памяти византийцев и их восприятии современного мира. В традиционном искусствоведческом разделе обращает на себя внимание работа А.В. Захаровой и С.В. Мальцевой, которая вводит в оборот архивные данные, позволяющие уточнить наши представления о частично утраченных культурных памятниках грузинских земель, ныне входящих в состав Турции.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

ISBN 978-5-19-011360-0

© Институт всеобщей истории РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство Московского университета, 2019

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Сергей Павлович КАРПОВ** (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Игорь Павлович МЕДВЕДЕВ** (зам. ответственного редактора) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН;
- Михаил Вадимович Бибииков** (зам. ответственного редактора) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории РАН (Москва);
- Леонид Андреевич БЕЛЯЕВ** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва), главный редактор журнала «Российская археология»;
- Вера Николаевна ЗАЛЕСКАЯ** — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);
- Галина Евгеньевна ЛЕБЕДЕВА** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета;
- Кирилл Александрович МАКСИМОВИЧ** — доктор филологических наук, научный сотрудник Геттингенской Академии наук, проект «Исследование и издание источников византийского права» (Университет им. Иоганна Вольфганга Гете, Франкфурт-на-Майне, ФРГ);
- Мargarита Адольфовна Поляковская** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург);
- Ольга Сигизмундовна Попова** — доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Владимир Валентинович СЕДОВ** — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Борис Николаевич ФЛОРА** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН (Москва);
- Рустам Мухаммадович ШУКУРОВ** — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Алексей Михайлович КРЮКОВ** (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РАБОЧАЯ ГРУППА

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий — научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мишель Балар — заслуженный профессор университета Париж I — Пантеон-Сорбонна (Франция);

Антонио Кариле — заслуженный профессор Болонского университета (Италия);

Хриса Мальтезу — академик Афинской АН, профессор Афинского национального университета (Греция);

Петр Петрович Толочко — академик РАН и НАН Украины, доктор исторических наук, профессор, почетный директор Института археологии НАН Украины (Киев);

Ксения Владимировна Хвостова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);

Петер Шрайнер — академик Австрийской АН, заслуженный профессор Кёльнского университета (Германия);

Васил Гюзелев — академик Болгарской АН (София).

EDITORIAL BOARD

EDITORS

- Sergey KARPOV** (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Igor MEDVEDEV** (Deputy Editor) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of History, Chief Researcher of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;
- Mikhail BIBIKOV** (Deputy Editor) — Prof. Habil., Doctor of History, Head of Department of Byzantine History and Eastern Christianity of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;
- Leonid BELYAEV** — Deputy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Head of Moscow Rus Archeology Department of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Editor-in-Chief of the journal “Rossijskaja arkheologija” (= Archaeology of Russia);
- Boris FLORYA** — Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Head of Department of History of Middle Ages of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
- Galina LEBEDEVA** — Doctor of History, Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Saint Petersburg State University;
- Kirill MAKSIMOVICH** — Doctor of Philology, Employee of the Göttingen Academy of Sciences and Humanities, Byzantine Legal Sources Research Center (The Goethe University of Frankfurt);
- Margarita POLYAKOVSKAYA** — Doctor of History, Professor of Department of History of Ancient World and Middle Ages of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University (Ekaterinburg);
- Olga POPOVA** — Doctor of Art Criticism, Professor of the Chair of General Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Vladimir SEDOV** — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of Archaeological Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Head of the Chair of Russian Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Rustam SHUKUROV** — Doctor of History, Associate Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Vera ZALESSKAYA** — Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of the State Hermitage (Saint Petersburg);
- Alexey KRYUKOV** (Editorial Secretary) — PhD, Assistant Professor of the Chair of Ancient Languages of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL STAFF

- Mikhail GRATSIAANSKIY** — PhD, Leading Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Nikolay BYSTRITSKIY** — Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
- Pavel KUZENKOV** — PhD, Associate Professor of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL ADVISORY BOARD

- Michel BALARD** — Professor Emeritus of Pantheon-Sorbonne University (Paris, France);
- Antonio CARILE** — Professor Emeritus of University of Bologna (Italy);
- Chryssa MALTEZOU** — Ordinary Member of the Academy of Athens, Professor of the National and Kapodistrian University of Athens (Greece);
- Petr TOLOCHKO** — Full Member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine, Doctor of History, professor, Honorary Director of Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv);
- Xenia KHVOSTOVA** — Doctor of History, Chief Researcher of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
- Peter SCHREINER** — Full Member of the Austrian Academy of Sciences, Professor Emeritus of the University of Cologne (Germany);
- Vasil GYUZELEV** — Full Member of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia).

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию академика РАН Сергея Павловича Карпова	13
---	----

Статьи

И.Н. Попов (Москва) Епископ Кирилл Иерусалимский и развитие сакральной археологии в Святой земле в середине IV в.	15
Е.И. Мирошниченко (Санкт-Петербург) Синесий Киренский и его социальные связи	30
М.В. Грацианский (Москва) Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных Соборов и императорской церковной политики	46
М.В. Грацианский, П.В. Кузенков (Москва) Папа Лев Великий и пасхалистические споры середины V в. в контексте межцерковных и церковно-государственных отношений	71
Rafał Kosiński (Белосток) The Role of Christianity in the Relations between the Roman Empire and Persia in the First Half of the 4 th Century: A Few Comments with Reference to Karin Mosig-Walburg's Article	96
Е.А. Мехамадиев (Санкт-Петербург) Император Ираклий (610–641 гг.) и противостояние с персами: некоторые вопросы организационной структуры византийской армии	104
А.Д. Сиротенко (Москва—Мюнхен) Император Ираклий в греческой литургической традиции	122
А.К. Шагинян (Санкт-Петербург) Церковная организация в армянских и албанских землях в условиях арабовизантийского противостояния	135
Е.А. Заболотный, П.В. Кузенков (Москва) Хронология в «Откровении» Псевдо-Мефодия Патарского	154
Р.М. Шукуров (Москва) Культурная память и ее реактуализации: византийская идея Ирана	167
М.А. Вишняк (Москва) О датировке защитительного письма против арсенитов патриарха Афанасия I Константинопольского	196
А.М. Крюков (Москва) Кодекс Ath. Esphigm. 76: составные части и их вероятные источники	209
А.В. Акоюн (Казань) Двинские фоллисы с изображением Христа и взаимоотношения города с Византией в 1049–1053 гг.	221
С.М. Дончева (Шумен) Свинцовая евлогия средневизантийского периода из Болгарии	238

А.Ю. Виноградов (Москва)	
Зарождение и развитие феномена надвратных храмов в византийском мире . . .	248
Э.Н. Добрынина (Москва)	
Рудименты «корониса» в художественном оформлении греческих рукописей IX–X вв. в российских собраниях	271
О.С. Попова (Москва)	
Греческое Евангелие XI в. в Национальной библиотеке Франции (Cod. Gr. 189) .	279
А.В. Захарова (Москва), С.В. Мальцева (Санкт-Петербург)	
Новые данные о росписях X–XI вв. в Тао-Кларджети по материалам экспедиции Н.Л. Окунева 1917 г.	288
Т.Ю. Облицова (Москва)	
Заметки об иконе Богоматери из Сполето	318
А.В. Шаманаев (Екатеринбург)	
Русский археологический институт в Константинополе и Всероссийские археологические съезды	326
Л.М. Позиду (Каламата)	
«Αρχαίον Πόντου»: история девяти десятилетий. Историко-библиографический обзор	335

Публикации

М.С. Желтов (Москва)	
Малоизвестный византийский комментарий XI (?) в. на божественную литургию	352

Рецензии и аннотации

И.П. Медведев (Санкт-Петербург)	
<i>Карпов С.П.</i> История Трапезундской империи. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб.: Алетейя, 2017. 743 с.	361
Т.Г. Попова (Архангельск)	
Новое исследование по исторической лексикологии русского языка (<i>Чернышева М.И.</i> Именования Богородицы в древнерусской письменности: Около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями. М.: ЛЕНАНД, 2017. 328 с.) .	364
А.Ю. Виноградов (Москва)	
<i>Peschlow U.</i> Ankara. Die bauarchäologischen Hinterlassenschaften aus römischer und byzantinischer Zeit. Mit einem Beitrag von W. Brandes. Bd. 1–2. Wien: Phoibos Verlag, 2015. 306 S., 586 Abb.	365

Хроника

Н.И. Быстрицкий (Москва)	
Зинаида Владимировна Удальцова: вклад в становление и развитие «Византийского временника» (к 100-летию со дня рождения)	368
Список сокращений	374

CONTENTS

On the 70 th Anniversary of the Full Member of the Russian Academy of Sciences Sergey KARPOV	13
--	----

Articles

Iliya POPOV (Moscow) Cyril of Jerusalem and Development of Sacral Archaeology in the Holy Land in the Middle of the 4 th Century	15
Eugene MIROSHNICHENKO (St. Petersburg) Synesius of Cyrene and his social relations	30
Mikhail GRATSIANSKIY (Moscow) The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors	46
Mikhail GRATSIANSKIY, Pavel KUZENKOV (Moscow) Pope Leo the Great and the Easter Disputes of the Middle of the 5 th Century in the Context of Inter-Church and State-Church Relations	71
Rafał KOSIŃSKI (Białystok) The Role of Christianity in the Relations between the Roman Empire and Persia in the First Half of the 4 th Century: A Few Comments with Reference to Karin Mosig- Walburg's Article	96
Evgeniy MEKHAMADIEV (St. Petersburg) Emperor Heraclius (610–641 A.D.) and the War against the Persians: Some Problems of the Organizational Structure of the Byzantine Army	104
Anastasia SIROTENKO (Moscow—Münich) The Emperor Heraclius in the Greek Liturgical Tradition	122
Arsen SHAHINYAN (St. Petersburg) The Church Structure in the Armenian and Albanian Lands under the Arab-Byzantine Confrontation	135
Evgenii ZABOLOTNYI, Pavel KUZENKOV (Moscow) Chronology in Apocalypse of Pseudo-Methodius	154
Rustam SHUKUROV (Moscow) Cultural Memory and Its Re-actualizations: the Byzantine Idea of Iran	167
Mikhail VISHNYAK (Moscow) On the dating of the defense letter against the Arsenites of the Patriarch Athanasius I of Constantinople	196
Alexey KRYUKOV (Moscow) Codex Ath. Esphigm. 76: Its Components and their Possible Sources	209
Alexander AKOPYAN (Kazan) Folles of Dvin with Christ's Bust and Relations of the City with Byzantium in 1049–1053	221
Stela DONCHEVA (Shumen) Middle Age Byzantine Lead Eulogia from Bulgaria	238

Andrey VINOGRADOV (Moscow) The Origin and Development of the Phenomenon of Gate Churches in the Byzantine World	248
Elina DOBRYNINA (Moscow) The Vestiges of Coronis in the 9 th –10 th Centuries Greek Manuscripts in Russian Collections	271
Olga POPOVA (Moscow) The Greek 11 th Century Four Gospels at the National Library of France (Cod. Gr. 189)	279
Anna ZAKHAROVA (Moscow), Svetlana MAL'TSEVA (St. Petersburg) New Materials on the 10 th –11 th Century Tao-Klardjeti Wall Paintings from Nikolai Okunev's Expedition of 1917	288
Tatiana OBLITSOVA (Moscow) Notes on the Icon of Our Lady of Spoleto	318
Andrey SHAMANAEV (Moscow) The Russian Archaeological Institute in Constantinople and the All-Russian Archaeological Congresses	326
Lina POZIDOU (Kalamata) “Archeion Pontou”: a History of Nine Decades. An Historical and Bibliographical Review	335

Publications

Fr. Mikhail ZHELTOV (Moscow) A Little-Known 11 th -Century (?) Byzantine Commentary on the Eucharistic Liturgy	352
---	-----

Book Reviews

Igor MEDVEDEV (St. Petersburg) KARPOV, S.P. <i>Istoriya Trapezundskoy imperii</i> . 2 nd edition, corrected and supplemented. St. Petersburg: “Aletheia” 2017. 743 p.	361
Tatiana POPOVA (Arkhangelsk) A New Study of the Historical Lexicology of the Russian Language (CHERNYSHEVA, M.I. <i>The Names of the Theotokos in the Old Russian Writing: about 500 lexems with Explanations and Comments</i> . Moscow: LENAND 2017. 328 p.)	364
Andrey VINOGRADOV (Moscow) PESCHLOW, U. <i>Ankara. Die bauarchäologischen Hinterlassenschaften aus römischer und byzantinischer Zeit</i> . Mit einem Beitrag von W. Brandes. Bd. 1–2. Wien: Phoibos Verlag, 2015. 306 S., 586 Abb.	365

Chronicle

Nikolay BYSTRITSKIY (Moscow) Zinaida Udaltsova and Her Contribution to the Reestablishment of “Vizantiyskiy Vremennik” (on Her 100 th Anniversary)	368
List of Abbreviations	374

А.Ю. Виноградов

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА НАДВРАТНЫХ ХРАМОВ В ВИЗАНТИЙСКОМ МИРЕ

Аннотация: Статья посвящена вопросу о генезисе надвратных храмов в восточнохристианском мире. Первый датированный из них — крестово-купольная церковь над воротами Халки Большого императорского дворца в Константинополе, возведенная в 920–944 гг. Романом Лакапином и перестроенная в 971 г. Иоанном Цимисхием как храм-реликварий и императорская усыпальница. Последнее породило упрощенные (компактно вписанный крест или зальный храм) подражания в империи, в том числе над воротами городов (Перник, Эски-Кермен, Мангуп, Фуна) и монастырей (Сирмены, Варзахан). Со второй четверти XI в. такие храмы строятся на Руси над воротами городов и дворцов (в Киеве, Переяславле, Владимире, Чернигове, Новгороде), с 1106 г. — над воротами монастырей (Киево-Печерская лавра) в форме вписанного креста на четырех столпах. Монастырские надвратные церкви конца XII в. (в киевских Михайловском Златоверхом и Федоровском (?) и смоленском Спасском монастырях) — купольные, но бесстолпные и квадратные в плане. В начале XII в. — вероятно, под византийским влиянием — идея надвратных церквей проникает и в Германию, где они имеют в том числе функцию храма-реликвария. Византийские надвратные церкви практически не имели военно-оборонительной функции, но должны были символизировать божественную защиту живущих внутри и освящать проходящих под ними. Таковую функцию можно обозначить и как апотропеическую. В некоторых случаях прослеживается связь надвратного храма с погребальным комплексом. Напротив, на Руси храмы на городских воротах не лишали последние оборонительной функции.

Ключевые слова: Византийская архитектура, русская архитектура, надвратные храмы.

Надвратные храмы были редкостью в Византии и ни в одной ее части не образовали сколько-нибудь устойчивой традиции (хотя надо сразу отметить, что сохранность именно этого типа памятников самая худшая, так как они почти не опознаются археологически). Поэтому неудивительно, что им не было посвящено никакой специальной работы в европейской науке. Напротив, для Древней Руси это был весьма значимый и хорошо изученный архитектурный феномен, впервые глобально осмысленный еще В.П. Выголовым¹, так что понятно, почему первое обобщение надвратных церквей в византийском мире было предпринято именно специалистом по древнерусскому зодчеству — Вл.В. Седовым², который

¹ *Выголов В.П.* Надвратные храмы Древней Руси: Проблемы эволюции и происхождения // Памятники архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994. С. 3–36.

² *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 544–584.

постулировал широкое распространение надвратных церквей во всем византийском мире, а также символический, «иерусалимский» характер таких храмов.

В последнее время его выводы были, однако, подвергнуты критике в исследовании А.В. Трушниковой³, на которую отреагировали и мы в своей недавней работе⁴. В свою очередь, наши критические замечания были в основном поддержаны Трушниковой в ее последней статье⁵. Важным плодом этой дискуссии стал перечень византийских надвратных храмов, который и будет обсуждаться в настоящей работе. Ее задача — анализ конструктивных и функциональных аспектов византийских надвратных церквей с привлечением сравнительного материала из Древней Руси и Западной Европы.

Самым ранним свидетельством существования надвратных храмов в Византии служит церковь над воротами Халки Большого императорского дворца. Впрочем, С. Манго⁶, а вслед за ним и А.В. Трушникова (в обеих работах), поставили под сомнение ее надвратный характер, отождествляя с ней двухъярусный средневизантийский купольный храм, служивший в османское время зверинцем («Арсланхане»), просуществовавший до 1804 г. и запечатленный на гравюре Г. Инджиджияна⁷. Позднее, правда, С. Манго отказался от его реконструкции в качестве крестово-купольного триконха, сочтя просто тетраконхом⁸. Но и сам вопрос отождествления храма с гравюры Г. Инджиджияна с Халкинской церковью еще далек от разрешения⁹: предпочтительней выглядит отождествление этой церкви, фигурирующей в источниках под именем св. Иоанна или св. Фоки со св. Иоанном в Дииппии¹⁰.

Для прояснения сложного вопроса о местоположении Халкинского храма следует обратиться сперва к свидетельствам сообщающих о нем письменных ис-

³ Трушникова А.В. Тип бесстолпного храма в архитектуре Древней Руси и Византии XI–XV вв.: Дис. ... канд. иск. СПб., 2016. С. 176–182.

⁴ Виноградов А.Ю. Храмик над главными воротами Эски-Кермена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. № 21. С. 174–192. В этой работе мы ставим под вопрос, что ряд храмов можно считать надвратными: константинопольские церкви Богородицы «Иерусалим» близ Золотых ворот (πλησίον τῆς Χρυσῆς πύργης; Janin R. La siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. Vol. 3. Les églises et les monastères (La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin; 1). P., 1969. P. 185–186), св. Фоки на Акрополе, Христа Филантропа, св. Иоанна Богослова, св. Афиногена, у Манганского монастыря; храмы при колокольне монастыря Осиеос Лукас в Фокиде (о нем см. новую работу: Μπόρας Χ. Η αρχιτεκτονική της Μονῆς του Ὁσίου Λουκά. Αθήνα, 2015. Σ. 52. Ек. 40), свв. Архангелов в Бачковском монастыре в Болгарии, св. Николая в Гелатском монастыре в Грузии, Сурб Аствацацин в армянском Татеве; надвратная церковь св. Иоанна в Великой лавре на Афоне относится к поствизантийскому времени. Соответственно, мы не будем рассматривать их в дальнейшем.

⁵ Трушникова А.В. К вопросу о византийских истоках надвратных храмов Руси // Seminarium Bulkinianum. IV. СПб., 2017. С. 49–58.

⁶ Mango C. The Brazen House: A study of the vestibule of the imperial palace of Constantinople. Copenhagen, 1959. P. 149–169.

⁷ Asutay-Effenberger N., Effenberger A. Zur Kirche auf einem Kupferstich von Ğugas Inciciyan und zum Standort der Chalke-Kirche // Byzantinische Zeitschrift. 2004. Bd. 97. S. 56.

⁸ Mango C. A note on Panagia Kamariotissa and some imperial foundations of the tenth and eleventh centuries at Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1973. Vol. 27. P. 132. Note 39 (репр.: *Idem*. Studies on Constantinople. Aldershot, 1993. Study XX).

⁹ Status quaestionis см. в: Artan T. The making of the Sublime Porte near the Alay Köşkü and a tour of a Grand vizierial palace at Süleymaniye // Turcica: Revue d'études turques. 2011. Vol. 43. P. 145–206.

¹⁰ См.: Westbrook N.B. The Freshfield Folio View of the Hippodrome in Istanbul and the Church of St. John Diippion // Byzantina Australiensia. 2011. Vol. 17. P. 231–262.

точников. *Patria Constantinopolitana* (3, 213) сообщают, что «Спасителя в Халке воздвиг Роман Старший на двух колоннах, очень маленьким, так что можно видеть престол, и приставил к нему двенадцать клириков». Лев Диакон (*Historia* 8, 1) уточняет его облик: «...место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище». Небольшой размер и неудобство входа у первой Халкинской церкви легко объясняется необходимостью вписать ее в структуру ранневизантийских ворот, а двухколонность — вписыванием в квадратный абрис (см. ниже о Троицкой церкви Киево-Печерской лавры). Ее своды опирались на две колонны — поскольку маленьких базилик в это время в столице не строили, приходится реконструировать ее как крестово-купольный храм на двух колоннах¹¹.

Храм столь малых масштабов имел, скорее, не практическую функцию (о которой нам ничего не известно, в отличие от сменившей его церкви Иоанна Цимисхия), а символическую. Ворота Халки с их образом Спасителя, уничтоженными иконоборцами и заново восстановленным в 842 г., были одним из сакральных символов столицы, оставаясь при этом вполне светским по архитектуре позднеантичным сооружением, — возведение на них храма, пусть и небольшого, значительно меняло их облик и статус. Показателен и сам выбор места для надвратного храма — парадные ворота дворца, не имевшие оборонительной функции. Само же возведение храма над высокой субструкцией вполне вписывается в новаторскую строительную программу Романа Лакапина (ср. первый императорский монастырь-мавзолей — Мирелеон, чей храм был воздвигнут им также над высокой субструкцией усыпальницы), которая должна была увековечить память об этом императоре-узурпаторе.

Храм Романа Лакапина другой император-узурпатор Иоанн Цимисхий в 971 г. «приказал перестроить... от самого основания, расширить и сделать более светлым» (*Leo Diaconus. Historia* 8, 1), из чего следует, что перестроен был именно храм, а не все ворота (действительно, недавние раскопки (см. ниже) показали, что нижняя часть ворот оставалась ранневизантийской постройкой) и что новый храм находился на том же месте. С другой стороны, поскольку новый храм был построен «над сводом [ворот] Халки» (ἄνωθεν τῆς ἀψίδος τῆς Χάλκης), о чем прямо сообщают видевшие его Георгий Кедрин (*Compendium historiarum* 2, 413) и Михаил Глика (*Annales* 574), то и храм Романа также был надвратным. Лев Диакон уточняет, что император «сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь». Дополнительную информацию дают *Patria Constantinopolitana* 3, 213: «Иоанн Цимисхий расширил и повысил его, украсив множеством золота и серебра и придав ему 50 клириков и роги в 30 номисм. А священные венцы, скипетры, диски и светильники, золотые и серебряные, золотые одежды и свои личные императорские одеяния он подарил туда и

¹¹ Ср., например, кафоликон монастыря Кораконисии в Эпире конца X в. (*Βοκοτόπουλος Π.Α. Η εκκλησιαστική αρχιτεκτονική εις την Δυτικήν Στερεάν Ελλάδα καί τήν Ἠπειρον ἀπό τοῦ τέλους τοῦ 7ου μέχρι τοῦ τέλους τοῦ 10ου αἰώνος. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 51–56 (Βυζαντινά μνημεῖα; 2)*). Показательно, что именно в X в. в Болгарии появляется храм этого типа с такой «столичной» чертой, как апсидиоли в виме — церковь «на камянаря» в Великом Преславе (*Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура на Първата българска държава. София, 1984. Фиг. 60*).

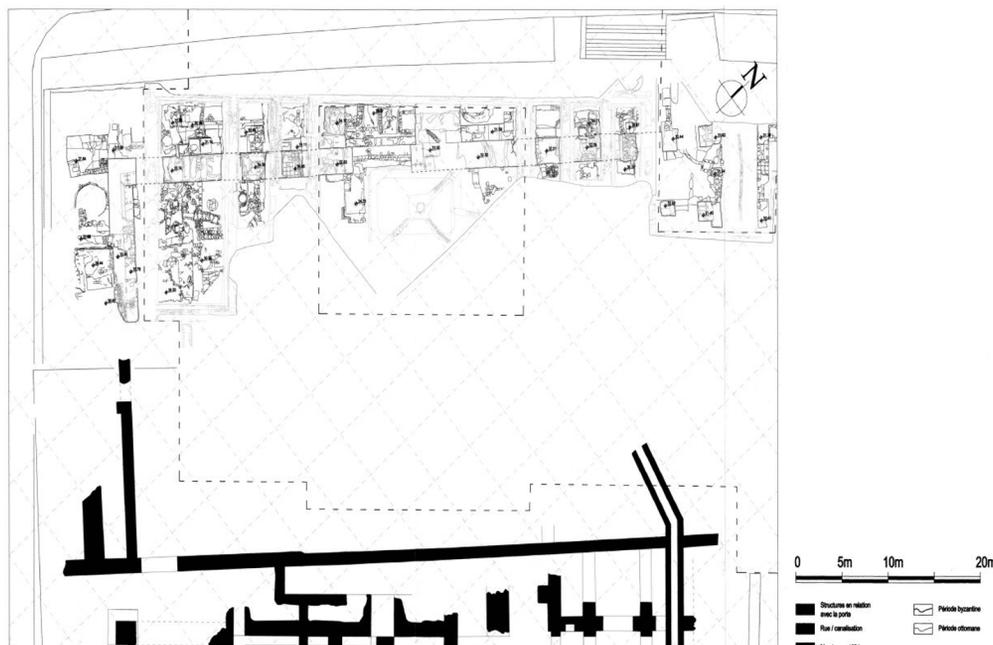

Рис. 1. План раскопок ворот Халки Большого императорского дворца в Константинополе [по: *Ğirgin Ç. La porte monumentale trouvée dans les fouilles près de l'ancienne prison de Sultanahmet // Anatolia Antiqua. 2008. Vol. 16. P. 268]*

пожаловал множество неотъемлемых имений. Туда же вложил он, когда вернулся из своего похода, честное Распятие, святой образ из Берита и святые сандалии Христа и Бога нашего, в различных золотых и украшенных камнями кивориях. И свою могилу устроил он там, и был там положен».

Таким образом, Иоанн Цимисхий превратил Халкинскую церковь Спасителя одновременно в храм-реликвиарий (наподобие Фаросского храма Богородицы в том же Большом дворце) и свою усыпальницу: поскольку погребения на втором ярусе не известны в Византии, то гробница императора находилась, вероятно, в нижней части здания (ср. выше, о Мирелеоне). К сожалению, источники ничего не сообщают нам о форме здания, но недавно раскопанные основания ворот (рис. 1)¹² выявили ширину их проема (7,5 м) и предполагаемую ширину всей постройки (17,5 м), которые показывают, что храм мог быть весьма масштабным. Кроме того, вряд ли бы Иоанн Цимисхий заменил купольный храм бескупольным. Судя по ориентации ворот, храм должен был располагаться по их продольной оси. Наконец, противопоставление в *Patria* старого, маленького и двухколонного храма новому, большому говорит в пользу того, что последний был также колонным — шести- и более столпных в Константинополе не известно, так что он был, скорее всего, четырехколонным, т. е. типа вписанного креста простого или сложного извода. Вопреки мнению А.В. Трушниковой, Халкинский храм просуществовал до конца Византии¹³.

¹² Status quaestionis см. в: *Westbrook N. An architectural interpretation of the Early Byzantine Great palace in Constantinople, from Constantine I to Heraclius. Diss. Perth, 2013. P. 183–203.*

¹³ *Janin R. La siège... P. 530.*

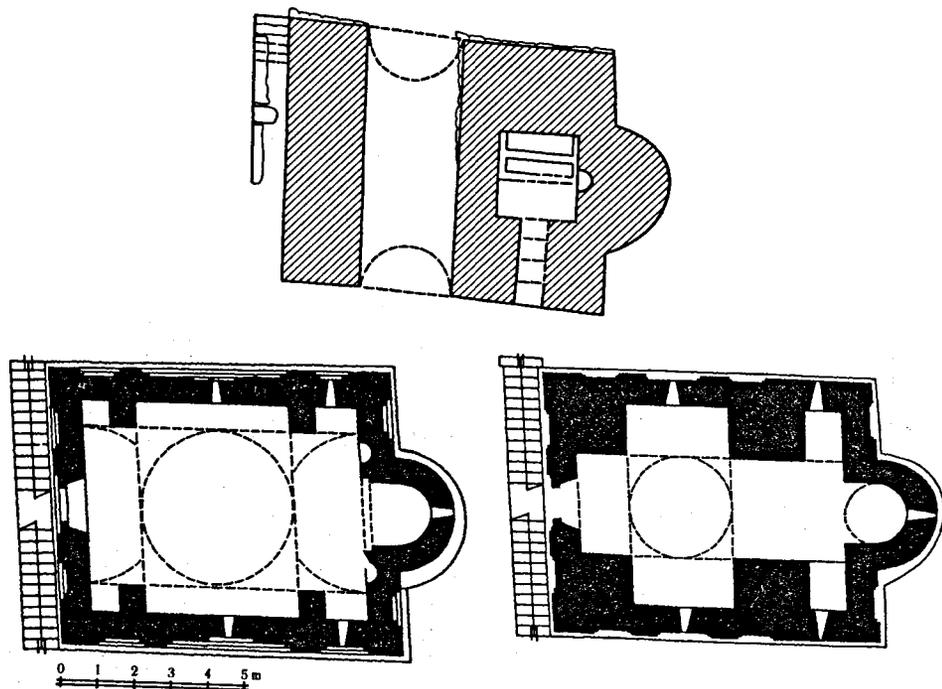

Рис. 2. План ворот и гипотетические планы церкви № 5 в Пернике [по: Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. Фиг. 88]

Единственный известный пример надвратной церкви на Балканах — храм № 5 в Пернике конца XI — начала XII в., под западной частью которого проходила улица от крепостных ворот к главной улице города¹⁴. Точная форма надвратной церкви неизвестна, но, вероятно, она была купольной: Д. Василева реконструирует ее как компактно вписанный крест, а Н. Чанева-Дечевска — как трехтравейный «купольный зал» (рис. 2): в пользу последнего варианта говорит устройство Kuppelhalle над своеобразной галереей в Бачковском монастыре (Свв. Архангелы, XIII в.)¹⁵. Датировка перникского надвратного храма указывает на его строительство во время византийского владычества, вероятно, под влиянием Константинополя.

В Малой Азии надвратные храмы зафиксированы только в одном регионе — Понте (средневизантийская фема Халдия).

Две надвратные церкви известны в Бузлуджа Кале (Джанаер) в 30 км к востоку от Трапезунта: они находятся над северными и южными воротами этого комплекса (рис. 3)¹⁶. От южной церкви сохранялся только фрагмент наборного пола¹⁷, а от северной, отделенной от нижнего яруса карнизом, — северо-западный

¹⁴ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1984. С. 123, 126, 130. Фиг. 88.

¹⁵ Там же. Фиг. 80.

¹⁶ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, D.C., 1985. P. 328–329; Crow J., Bryer A. Survey in Trabzon and Gümüşhane Vilayets, Turkey, 1992–1994 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. Vol. 51. P. 283–286; PmbZ # 3320, 22784.

¹⁷ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. 2. Fig. 265c.

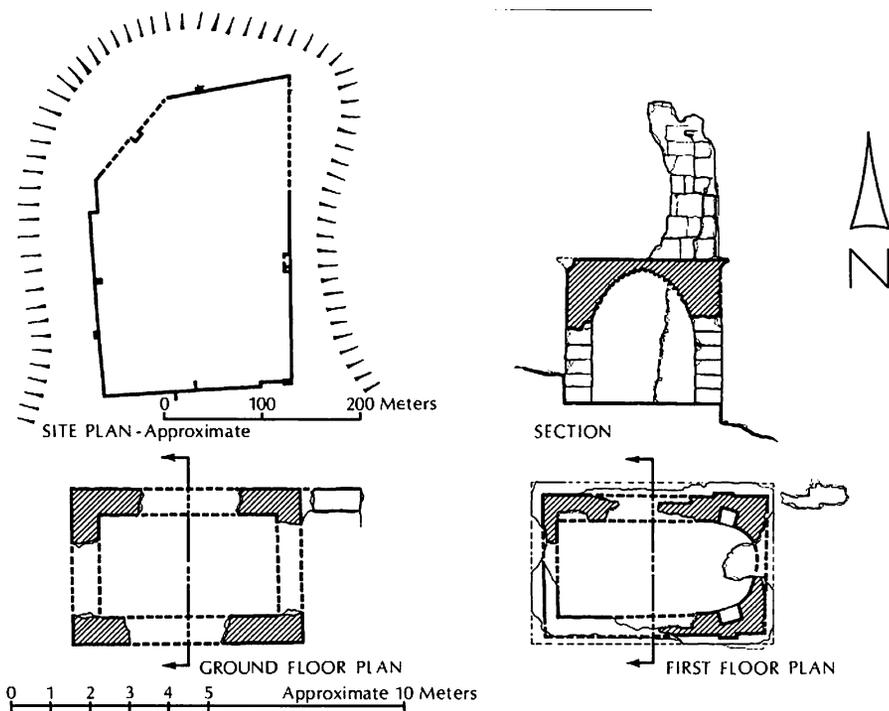

Рис. 3. План Сирменского монастыря, план северных ворот, план по уровню северной надвратной церкви, поперечный разрез северных ворот и храма [по: *Bryer A., Winfield D.* *The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. I.* Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. Fig. 115]

угол и вся восточная часть, включая не выраженную снаружи апсиду. Э. Брайер и Д. Винфилд не указывают тип северной церкви, хотя на их плане она представлена как зальная, отмечая лишь начало сложно профилированной арки у северного плеча апсиды и видя в ней признак кавказского влияния. Однако курватура арки показывает, что та была шире, чем была бы глухая арка, делящая боковую стену пополам, — ее ширина заставляет предположить здесь ступенчато повышающиеся подпружные арки (начало второй видно с востока), поддерживающие купол. Соответственно, весь храм относился к типу компактно вписанного креста с открытым в наос нартексом, хорошо известному в Понте (св. Филипп в Трапезунте, св. Михаил в Платане (совр. Акчаабат) и Панагия в восточной крепости Триполи¹⁸), хотя карниз под арками может, действительно, указывать на кавказское влияние. Вполне возможно, что и южный надвратный храм имел такой же план.

Весь комплекс Бузлуджа Кале представляет собой Халдский монастырь Спасителя в Сирменах, основанный отцом Иоанна Халда, дуки Халдии, в конце IX в., не раньше какого времени датируются и его постройки. Ни одна из них точно не датирована, но тип *opus sectile* (ромб, окруженный треугольниками), украшающего пол в южном надвратном храме находит себе самую раннюю аналогию

¹⁸ *Ballance S.* *The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. Vol. 10. 1960. P. 169–161, 164–167. Fig. 13, 18; Bryer A., Winfield D.* *The Byzantine Monuments...* Vol. 1. P. 142–143, 230. Fig. 28.

в храме Панагии монастыря Осиос Лукас в Фокиде, построенном в 960-х гг.¹⁹ Впрочем, датировку надвратных храмов Сирмен может прояснить еще один памятник такого типа в Понте.

Это надвратный храм в Варзахане близ Байбурга, расположенный к юго-востоку от главного храма-октагона и примыкающего к нему кладбища. Судя по тому, что его не упомянули и не сфотографировали ни В. Бахманн, ни Н.Л. Окунев, говорящие только о двух храмах²⁰, он разрушился раньше других, уже к 1913 г., что неудивительно, так как на фотографиях Д.И. Ермакова (1877 г.)²¹ и Г. Линча (1898 г.)²² сохранялась только его восточная стена (рис. 4). Это было небольшое здание, со слабо выступающей на восток апсидой, примерно квадратного плана, что, вкупе с купольностью других варзаханских храмов, говорит в пользу и его купольного перекрытия. Ж.-М. Тьерри считал арку под храмом сводом нижней камеры двухэтажной погребальной церкви, типичной для армянской архитектуры²³. Однако на фотографии Д.И. Ермакова хорошо видна аккуратная лицевая кладка восточного края арки, исключающая возможность присоединения к ней стены, свода или апсиды; против этого говорит и двухступчатая профилировка торца арки, и выравнивание по нему восточного края апсиды в верхнем ярусе. Соответственно, эта арка может быть только проездом ворот, находившихся, очевидно, в стене (остатки последней хорошо читаются на фотографии Ермакова к югу от ворот и хуже — к северу).

Апсида варзаханской надвратной церкви внутри округлая, а снаружи имеет семь узких граней. Все грани апсиды, кроме центральной (с окном), были разделаны двумя расположенными друг от друга над другим арочными нишами: высокой и полукруглой внизу и меньшей и плоской сверху, — такая разделка фасадов отсутствует на Кавказе, но типична для средневизантийской архитектуры Ликаонии (Фисандон, Ала Килисе, храм № 35 в Борате/Бинбиркилисе) и Каппадокии (св. Григорий в Карвале/Гёльвере/Гюзельюрте, Ягдебаш, Карагедик Килисе, Чанлы Килисе). Как и на фасадах соседнего октагона, который строили те же мастера, на заплечиках надвратного храма видна треугольная ниша с витой полуколонной внутри, а грани его апсиды также разделены двойными полукруглыми тягами с «геракловым» узлом наверху, пришедшим сюда, по всей вероятности, из Трапезунта (ср. аналогичную — и уникальную для фасадов — декорацию на барабане св. Филиппа в Трапезунте).

Халдский монастырь в Сирменах и Варзаханский комплекс (тоже монастырский?) роднят не только надвратные церкви, но и сходство редкого типа их кафоликонов: октаконха и октагона-октаконха соответственно, так что отрицать их связь невозможно. Соединение в октагоне и надвратном храме Варзахана черт трапезунтской («геракловы узлы» на фасаде) и центральноанатолийской (разделка фасадов плоскими нишами) архитектурной традиции с элементами

¹⁹ *Peschlow U.* Zum byzantinischen opus sectile-Boden // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien: Festschrift für Kurt Bittel / Hrsg. von R. Boehmer, H. Hauptmann. Mainz, 1995. S. 444. Taf. 93.2.

²⁰ *Bachmann W.* Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913. S. 8, 49–53. Abb. 22–23. Taf. 8.2, 9, 11, 41–43; *Окунев Н.Л.* Армяно-грузинская церковная архитектура и ее особенности // Русский зодчий за рубежом. 1938. № 9/10. С. 19.

²¹ *Ермаков Д.И.* Фотография. Тифлис. Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Коллекция из 18-ти тысяч видов. Тифлис, 1896. С. 46.

²² *Lynch H.F.B.* Armenia, Travels and Studies. Vol. II. L., 1901. P. 233–234.

²³ *Thierry J.-M.* Monuments arméniens de Haute-Arménie. P., 2005. P. 144.

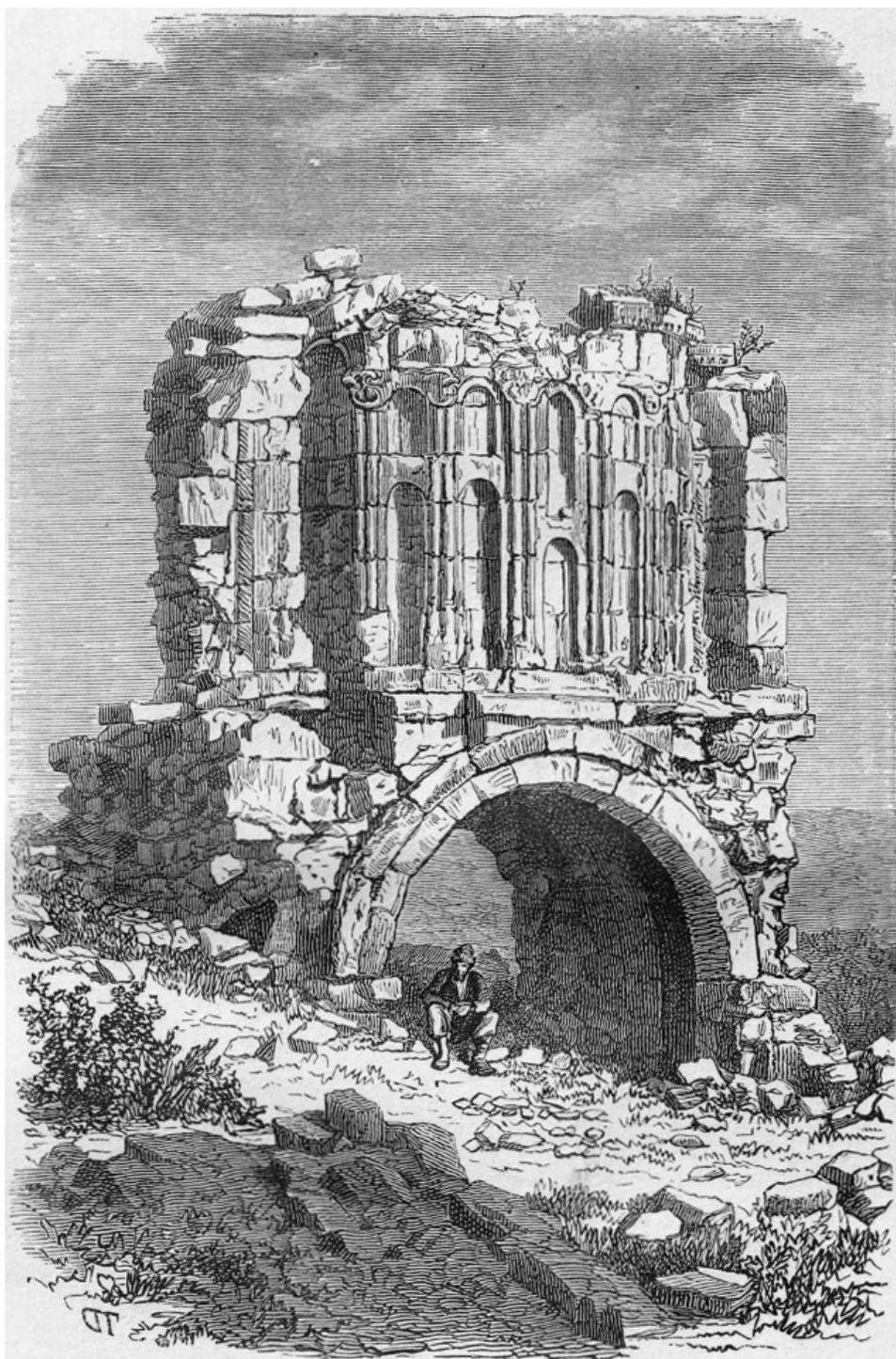

Рис. 4. Надвратная церковь Варзахана, вид с юго-востока [с гравюры Т. Дейролля]

из Закавказья (треугольные ниши на фасадах с витыми полуколоннами внутри) и, конкретнее, из раннего (960-х гг.) зодчества Давида III Куропалата («лучевая» декорация над окнами) заставляет предполагать, что они были построены в 979–989 гг., когда одним из владельцев Халдии был союзник Давида патрикий Чордванели из Тао. Поскольку же архитектурное влияние шло из Трапезунта на юго-восток, во владения грузинских Багратидов, а не наоборот²⁴, то, по всей вероятности, именно Варзахан подражает Сирменам, т. е. храмы в Сирменах, октаконх и надвратные, датируются концом IX — серединой X в.

Судя по такой датировке, традиция надвратных церквей могла попасть в Понт из Константинополя, где Халкинский храм был воздвигнут не позже 944 г., — в таком случае сирменские надвратные церкви были построены в 930–970-х гг., что вполне согласуется с типом *opus sectile* в одном из них (см. выше). Но более вероятно актуализация темы надвратных церквей в связи с перестройкой Халки в 971 г. Иоанном Цимисхием, происходившим как раз из северо-восточной Анатолии, — тогда датировка всех понтийских храмов такого типа сдвигается к 970–980-м гг.

Наряду с Понтом, традицию надвратных церквей, на сей раз зальных, можно проследить в Крыму. Древнейшая из них была расположена (в поперечном направлении) над аркой главных ворот городища Эски-Кермен в Горном Крыму: от нее сохранилась только вырубленная в скале апсида на восточном откосе ворот (рис. 5). Храмик над воротами был сооружен после разбора — вместе с другими крепостными сооружениями Эски-Кермена — надвратной башни, вероятней всего, после восстановления византийской власти в Горном Крыму, произошедшего в 840-е гг. Если он возник под влиянием Халкинской церкви, то был построен не ранее середины X в. После того как он почему-то разрушился, к западу от него в XII–XIII вв. был сооружен аналогичный по размеру храмик с усыпальницей, просуществовавший до гибели городища в конце XIII в.²⁵ Отметим, что храм окружен скальными погребениями, функционально сближающими его с Халкинским храмом — усыпальницей Иоанна Цимисхия.

К поздневизантийскому времени относится сооруженная в 1459 г. надвратная церковь в крепости Фуна с продольной ориентацией наоса (рис. 6). Она была перестроена из воротной башни и снабжена богато орнаментированной метрической надписью с гербами, указывающей как на заказчиков этой перестройки на князей Феодоро, т. е. владельцев Горного Крыма. Фунский надвратный храм был построен, судя по всему, армянскими мастерами²⁶. О прямом подражании Эски-Керменскому храму здесь не может быть и речи, так как последний погиб еще до конца XIII в.

Однако «мостиком» между надвратными церквями Эски-Кермена и Фуны мог быть известный только по письменному свидетельству храм над городскими воротами Мангуп-Кале в Горном Крыму. Он упоминается в «Сказании о горо-

²⁴ См.: *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015. С. 316–318.

²⁵ *Виноградов А.Ю.* Храмик...

²⁶ *Кирилло В.П.* Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 62–73; *Он же.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев, 2005. С. 153–183. О надписи (IOSPE³ V 238) см.: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.238-ru.html>.

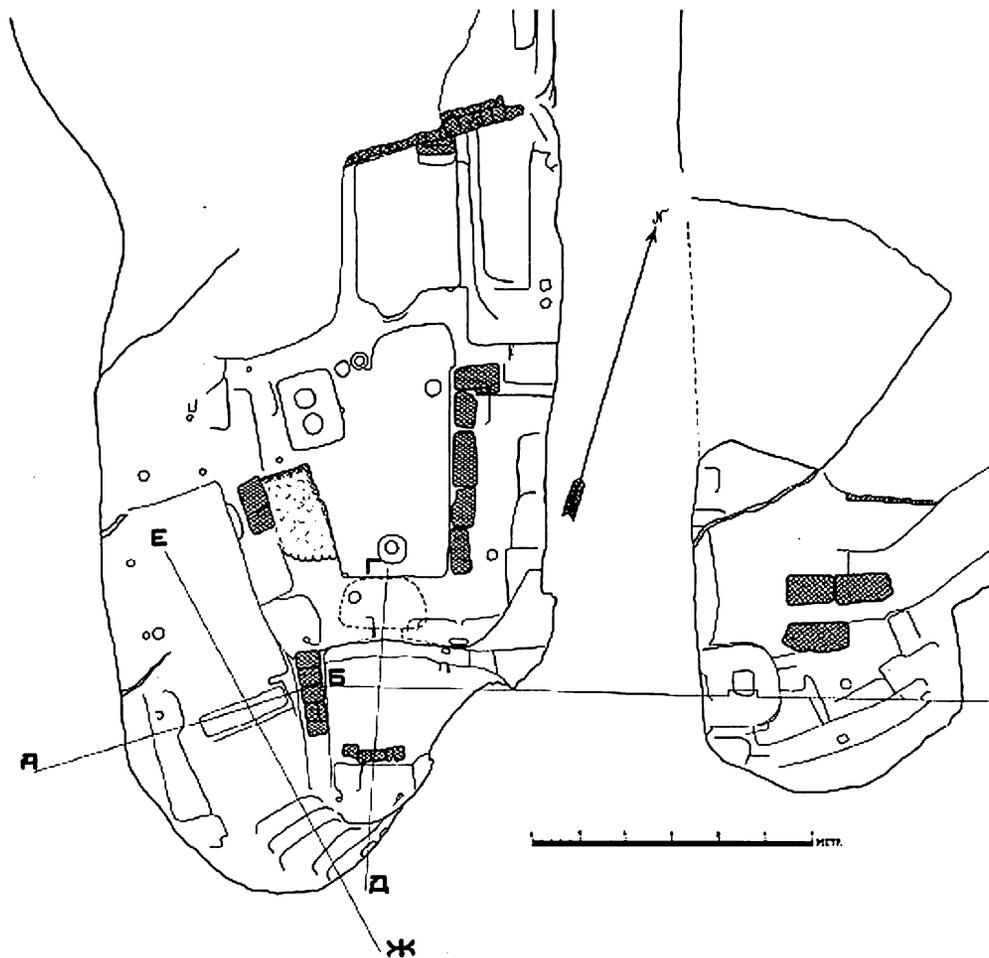
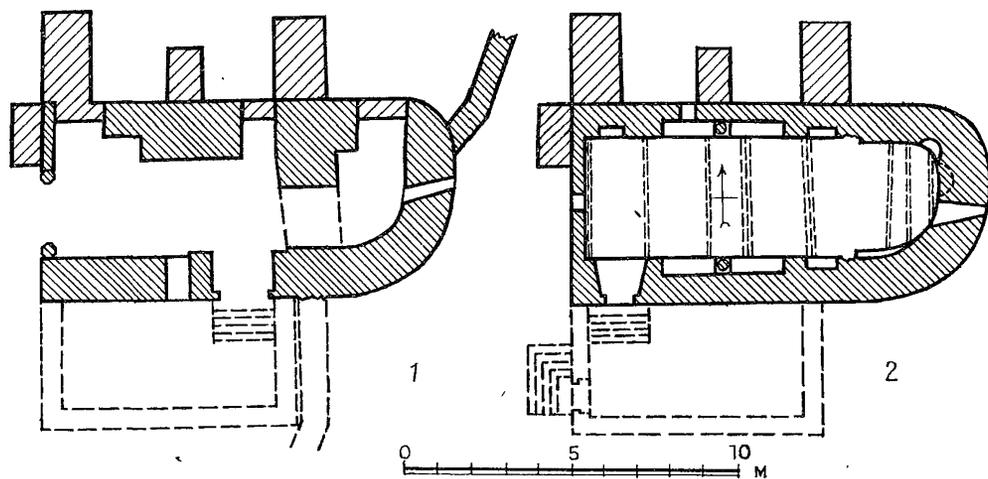

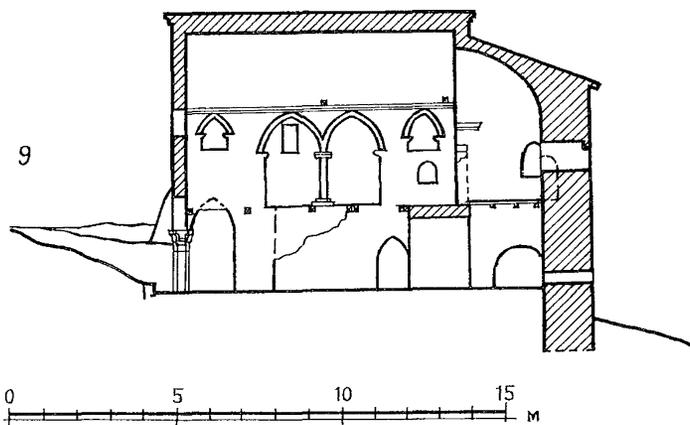
Рис. 5. План поверхности скалы с надвратными храмами у южных ворот Эски-Кермена по материалам Эски-Керменской экспедиции [по: Днепровский Н.В. Культурный комплекс у Южных ворот Эски-Кермена // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. III. С. 143–186. Рис. 2]

де Феодоро» (34–39), написанном пресвитером Матфеем вскоре после 1396 г.: «... кто... опишет... портики, несущие на себе столпы четырехугольные и удивительное строение, а сверху — крышу в виде храма, весьма соответствующего, как увидел я из его очертаний?»²⁷ Ни форма, ни датировка церкви нам не известны, но предшествующее описание городских ворот, имевших «портики... столпы четырехугольные», говорит о монументальности всей постройки. Отметим, что подобно эски-керменскому надвратному храму, около мангупского тоже были многочисленные скальные могилы. Важно, что храм сохранялся после ра-

²⁷ ἄνωθεν δὲ τὸν ὄροφον καθὼς ἐπιφειρούσης πανελιτηδείοτατον, ὡς εἶδον ἐκ σχημάτων (Бауер Х.Ф. История крымских готов, как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 292–295); не согласованное ни с чем ἐπιφειρούσης (для gen. abs. здесь отсутствует субъект) требует конъектуры — ἐπιφειρούσας (scil. στοάς).

а) план ворот и план надвратного храма

б) разрез надвратного храма

Рис. 6. Ворота и надвратный храм в крепости Фуна [по: Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 62–73. Рис. 9.9; 10.1]

зорения Мангупа — столицы Феодоро, в 1396 г. и, следовательно, мог послужить образцом для Фуны, резиденции феодоритских правителей, в 1459 г.

Из всех восточно-христианских стран только на Руси, с середины XI в., возникает устойчивая традиция возведения надвратных церквей, получившая свое развитие и в послемонгольский период²⁸. Вначале здесь возникают храмы на городских воротах (Золотых в Киеве, около 1037 г.), затем — на дворцовых (в епископии Переяславля, 1090 г.) и, наконец, — на монастырских (в Киево-Печерской лавре, около 1106 г.), что вполне отвечает описанной выше функциональной типологии надвратных церквей в Византии.

Первым на Руси появляется храм на городских воротах — церковь Благовещения на Золотых воротах Киева, подражающих Золотым воротам Константинополя, на которых храма, однако, не было (см. выше). Она упомянута в летописной статье под 1037 г. вместе с другими постройками великого князя Ярослава²⁹, но поскольку Св. София в этом году, по всей вероятности, только была закончена³⁰, то упомянутые здесь как следующая постройка Ярослава и возведенные теми же мастерами³¹ Золотые ворота в 1037 г. были только заложены (в любом случае, церковь на них была построена до конца 1040-х гг., когда она упоминается в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона³²). Из-за раннего разрушения ворот форма храма над ними точно не известна (см. также ниже). Мы не знаем и точного источника вдохновения для храма над Золотыми воротами, но можно отметить, что ширина воротного проема (7,5 м) у них одинакова с воротами Халки в Константинополе.

Отдельно от монастырских следует рассматривать храмы над воротами городов и дворцов (порой их трудно различить), регулярно возводившиеся в дальнейшем на Руси, причем в трех случаях — по два храма в одном месте. Это церкви св. Феодора в Переяславле Русском (заложена в 1090 г.), Ризоположения на Золотых воротах (1164 г.) и свв. Иоакима и Анны в детинце (заложена в 1196 г.) во Владимире-на-Клязьме, церкви в епископской (2-я половина XII в.) и княжеской (нач. XIII в.) резиденциях Чернигова, Положения Пояса Богородицы (1195 г.) и св. Феодора (1233 г., у Неревского конца) в Новгородском детинце³³. Примечательно, что во Владимире, Новгороде и, вероятно, Чернигове такие надвратные храмы возводились не одновременно, а с разницей в 32–35 лет.

К сожалению, почти ни одна из этих церквей не сохранилась, и судить об архитектурной эволюции их традиции мы не можем, за исключением церкви на

²⁸ О нем см.: *Выголов В.П.* Надвратные храмы...

²⁹ «Заложы Йрославъ . городъ великыи Кыевъ . оу негоже града врата сутьъ златаа заложы же и цркъвь . стѣна Софыа . премудрость Бѣю митрополью . и по семь . церкѣвъ на Златыхъ вратѣхъ каменю стѣна Бѣа Благовѣщеніе . сии же премудрыи князь Йрославъ . то того дѣла створи Благовѣщеніе на вратѣхъ . дати всегда радость градоу тому стѣмъ блѣвѣщеніемъ . Гсннимъ . и мѣтвою стѣна Бѣа . и архидѣла . Гаврила . по семь стѣго Геургия монастырь . и стѣна Шрины» (ПСРЛ II 139; ср. ПСРЛ I 151).

³⁰ См.: *Виноградов А.Ю.* Св. София Киевская в контексте византийской архитектуры 2 четв. XI в. // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження С.О. Висоцького. Київ, 2013. С. 66–80.

³¹ *Комеч А.И.* Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства. Т. 1. М., 2007. С. 166.

³² См.: *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим... С. 1.

³³ Их обзор см. в: *Выголов В.П.* Надвратные храмы...; *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим...; *Трушников А.В.* Тип... С. 168–175; *Она же.* К вопросу... С. 52–57.

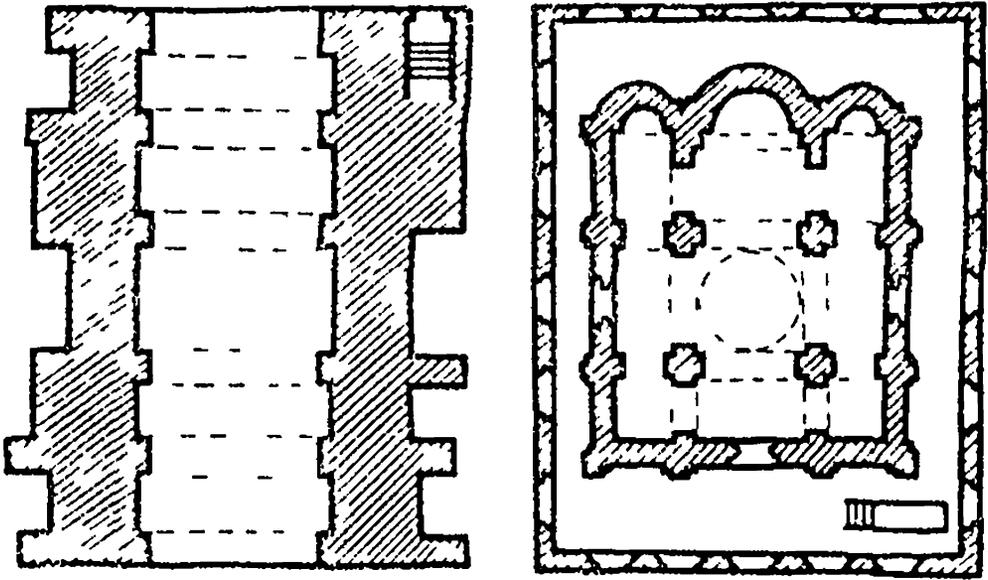

Рис. 7. Планы Золотых ворот Владимира и храма на них [по: *Pannonopt П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. Табл. 9]

Золотых воротах во Владимире, разобранных в 1779 г.: это был не занимавший всю площадь ворот, а стоявший на площадке второго яруса купольный храм типа вписанного креста простого (без вим) извода на четырех крещатых столпах с тремя полукруглыми снаружи и внутри апсидами (рис. 7) — совершенно типичный для архитектуры Андрея Боголюбского (ср. аналогичные по плану и декору храмы в Боголюбове и Покрова на Нерли³⁴). В этой связи вызывает вопрос инициированная Ю.С. Асеевым тенденция реконструировать киевский храм на Золотых воротах по образцу владимирского³⁵. Как кажется, вопреки С.А. Высоцкому³⁶, ключевым для этой реконструкции представляется указание Афанасия Кальнофойского о Троицкой надвратной церкви Киево-Печерского монастыря: «...устроенной таким же фасадом, как и церковь Благовещения на воротах Киевских Златых». Трехпрясельный фасад Троицкого храма (о нем см. ниже) позволяет реконструировать Благовещенскую церковь на Золотых воротах Киева так же в виде четырехстолпного храма, но, скорее, с не выраженными снаружи апсидами («таким же фасадом»).

Обратимся теперь к культурно-историческому аспекту древнерусских храмов над городскими и дворцовыми воротами. Как показывает возведение Золотых ворот во Владимире, основным импульсом для возведения на Руси храмов над городскими воротами стали, вероятно, Золотые ворота Киева с их церковью Благовещения³⁷. И хотя почти не совпадают посвящения этих храмов (включая и

³⁴ См.: *Pannonopt П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. Табл. 9.

³⁵ См.: *Высоцкий С.А.* Золотые ворота в Киеве. Киев, 1982. С. 73–87.

³⁶ Там же. С. 79.

³⁷ О прямом подражании Киеву во Владимире говорит поздняя «Повесть Кузмищи Кьянина»: «И поча весь народ плача молвити, оуже ли Киеву поеха, господине, в тоу церковь теми Золотыми ворты, их же делать послал баше той церкви на велицем дворе на Ярославле, а река: хочю

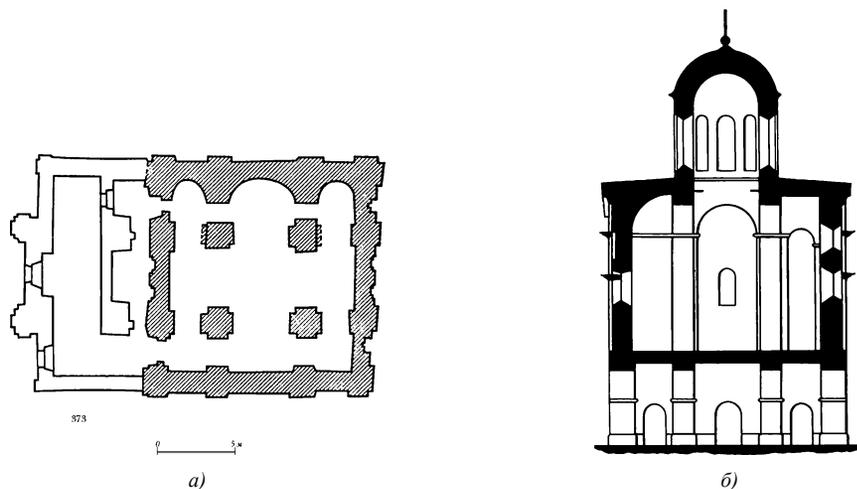

Рис. 8. План надвратной Троицкой церкви Киево-Печерской лавры [по: История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века. М., 2007. Ил. 372]

монастырские: Троицы и св. Симеона Дивногольца, см. ниже), можно выделить тенденцию их наречения в честь различных Богородичных праздников (Ризоположения и свв. Иоакима и Анны (на «воротах Богородицы») — во Владимире и Положения Пояса — в Новгороде), сложившуюся, очевидно, под влиянием Благовещенской церкви в Киеве. Напротив, вряд ли связаны между собой храмы св. Феодора в Переяславле 1089 г. и Новгороде 1233 г. — не факт даже, что они посвящены одному и тому же святому. В Переяславле возведение надвратного храма входило в строительную программу митр. Ефрема, который возведением храмов в епископии пытался укрепить авторитет своей недавно созданной титулярной митрополии. Это было актуально и для князя Андрея Боголюбского, который надеялся создать митрополию во Владимире и отсылал Ризоположенским посвящением храма к знаменитой Влахернской церкви Константинополя, так же, как архиеп. Новгородский Мартирий, следуя, очевидно, той же логике и посвящая храм Положению пояса Богородицы, — к Халкопратийской базилике (см. ПСРЛ III 234), второму главному святилищу Богородицы в византийской столице. Отметим также богатое украшение храмов (фрески, смальта, поливные плитки) на парадных воротах епископской и княжеской резиденции в Чернигове, первые из которых украшены крупными полуколоннами (диам. — около 1 м; ср. также ниже). Вообще, на самый конец XII — начало XIII в. приходится «бум» строительства церквей над городскими воротами на Руси: здесь нельзя исключать даже некоего соперничества крупных княжеско-епископских центров (Владимира, Новгорода и Чернигова).

С начала XII в. церкви начинают строить и на воротах русских монастырей, хотя и в меньшем количестве и без оборонительной функции³⁸. Первой, по всей видимости, была Троицкая церковь Киево-Печерской лавры, построенная около

создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будет память всему отечеству моему» (см.: Там же. Золотые... С. 84).

³⁸ Их обзор см. в: *Выголов В.П.* Надвратные храмы...; *Седов Вл.В.* Новый Иерусалим...; *Трушнина А.В.* Тип... С. 168–175; *Она же.* К вопросу... С. 52–57.

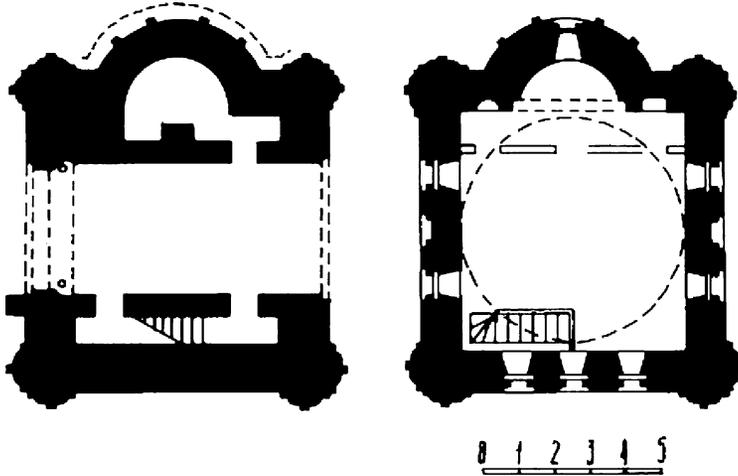

Рис. 9. План раскопанных ворот и реконструкция плана надвратной церкви в Михайловском Златоверхом монастыре [по: Трушникова А.В. Тип бесстолпного храма в архитектуре Древней Руси и Византии XI—XV вв.: Дис. ... канд. иск. СПб., 2016. Ил. 119]

1106 г., возможно, черниговским князем Николой Святошей, постригшимся там в монашество и служившим в обители привратником. Особенность этого храма типа вписанного креста простого извода на четырех крещатых столпах (рис. 8а–б) — редкое для Руси помещение трех апсид в толщу восточной стены, обусловленное необходимостью вписать все здание в квадратный абрис основания и приведшее к уплощению апсид и сокращению восточных ячеек, — за счет превращения арок между ними в узкие проходы церковь невольно оказалась похожей на двухколонный Халкинский храм Романа Лакапина. Аналогичное сокращение мы видим и по вертикали: малые и большие подпружные арки начинаются на столпах на одной высоте, что предопределило также равную высоту закомар и апсид³⁹.

Совсем иной тип мы видим в надвратной церкви Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, построенной около 1180-х гг.⁴⁰ Несмотря на то что сохранилась только нижняя часть здания ворот (рис. 9), видно, что здесь основание под апсиду (как и пучковые пилястры на углах) поднималось от самой земли, вероятно, из-за небольшого размера этого здания. Однако принятая реконструкция храма в виде перекрытого большим куполом квадрата не находит аналогий среди сохранившихся домонгольских построек Древней Руси и даже в византийской архитектуре. Действительно, небольшое пространство внутри внешних стен ворот (ширина — около 5 м) говорит в пользу бесстолпного храма, однако более вероятной представляется его реконструкция в виде компактно вписанного креста (ср., например, Ильинскую церковь в Чернигове), что вполне допускают мощные пучковые пилястры на углах.

Идущее от земли основание под апсиду и богатое украшение углов роднит эту церковь с другим киевским надвратным храмом конца XII в. — на ул. Влади-

³⁹ См.: Комеч А.И. Архитектура... С. 386–388.

⁴⁰ Ивакин Г.Ю., Козюба В.К. Ворота с надвратной церковью конца XII в. в Киеве (по исследованиям 1998–1999 гг.) // Архитектура и археология Древней Руси (Труды Государственного Эрмитажа; 56). СПб., 2009. С. 85–100.

мирской, 3, от которого остались только фундаментные рвы⁴¹ и который может быть отнесен к Феодоровскому монастырю⁴². Небольшое внутренне пространство (менее 5 м) предполагает и здесь бесстолпный храм — вероятно, также типа компактно вписанного креста. Но здесь каплеобразные пятна фундаментов на углах всего здания и на углах проезда вполне подходят по форме для сложных пучковых пилоэстров, какие бывают на углах храмов конца XII — начала XIII в., так что нет необходимости предполагать тут не известные на Руси свободно стоящие или прислоненные колонны, как бы ни привлекательна была аналогия в виде ворот Халки, где при раскопках были обнаружены отпечатки фустов колонн⁴³.

Разрушенный надвратный храм Спасского монастыря в Смоленске⁴⁴ относится к тому же времени, судя по сходству его плинфы с плинфой монастырского собора. Небольшой размер внутреннего пространства (ширина — не более 6,5 м) указывает на бесстолпный характер храма. Вопреки Н.Н. Воронину и П.А. Раппопорту, изображение храма на гравюре В. Гондиуса⁴⁵ как однозакomarного (рис. 10), с большим куполом и парами окон на стенах, не выглядит фантастичным или плодом перестройки XVI в., а, напротив, может хорошо отражать структуру здания, имевшего, по всей видимости, план компактно вписанного креста.

Рис. 10. Спасский монастырь в Смоленске [по гравюре В. Гондиуса]

В 1173 г. новгородский архиепископ Илия освятил не сохранившуюся каменную церковь Преображения на воротах Юрьева монастыря (ПСРЛ III 34, 223). В 1180 г. он же с братом Гавриилом в своем ктиторском Благовещенском монастыре на Мячине на следующий год после собора заложили каменную церковь Богоявления (ПСРЛ III 36, 226), перестроенную в 1447 г. В 2005–2006 гг. в 40 метрах к северу от Благовещенского собора были открыты два Е-образных пилона ворот, составлявших квадратное (примерно 7 × 7 м) основание надвратного храма Богоявления⁴⁶ — судя по абрису, крестово-купольного, возможно, со вписыванием апсиды в толщину восточной стены (ср. выше). В 1193 г. в Новгороде строится деревянная и, соответственно, скорее всего, бесстолпная церковь Иоанна Мило-

⁴¹ Комар О.В. «Дохристиянська» монументальна архітектура Старокіївської гори (проблеми датування та атрибуції) // *Opus Mixtum*. 2013. No 1. С. 110–113.

⁴² Любезное сообщение А.В. Комара.

⁴³ Westbrook N. An architectural interpretation... Fig. 116–118.

⁴⁴ Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 271–273. Рис. 144–145.

⁴⁵ Там же. Рис. 144.

⁴⁶ Седов Вл.В. Исследования в Благовещенском монастыре близ Новгорода // *Археологические открытия 2006 года*. М., 2009. С. 85–87.

стивого на воротах Воскресенского монастыря (ПСРЛ III 41). Наконец, в 1206 г. посадник Твердислав Михалкович воздвиг в соседнем Аркажском монастыре надвратный храм прп. Симеона Столпника Дивногорца, очевидно, в память о своем отце, постригшемся в этой обители и скончавшемся здесь 18 мая того же года (ПСРЛ III 50, 247). Интересно посвящение храма прп. Симеону Столпнику Младшему, Дивногорцу: в нем можно было бы увидеть идею надвратного храма как подобия столпа, однако скорее оно связано с датой кончины отца заказчика, так как память прп. Симеона Дивногорца празднуется 24 мая, ровно через неделю после последней.

Итак, типологически те надвратные храмы домонгольской Руси, чья форма может быть прослежена, делятся на две группы. Храмы XI — середины XII в. на городских воротах (на Золотых во Владимире и, вероятно, в Киеве) и самая ранняя из монастырских надвратных церквей (Троицкая церковь Печерской лавры 1106 г.) принадлежат к обычному для Руси типу вписанного креста на четырех крещатых столпах. Напротив, монастырские надвратные храмы конца XII — начала XIII в. (в Михайловском Златоверхом и Феодоровском (?) монастырях Киева, Спасском монастыре Смоленска) — бесстолпные и относятся, вероятней всего, к редкому для Руси типу компактно вписанного креста, что свидетельствует о некой смене традиции в строительстве русских надвратных церквей в конце XII в. и может быть осторожно связано с понтийской или балканской традицией надвратных церквей (см. выше). Влияние храма над воротами Халки («Медными», т. е. бронзовыми) Большого императорского дворца на древнерусские надвратные церкви исключать нельзя, особенно на киевскую церковь на Золотых воротах. Однако в надвратных церквях домонгольской Руси мы не видим ни посвящения Христу, ни функции храма-реликвария (в отличие от германских примеров, см. ниже).

Особый вопрос — это традиция надвратных храмов в Центральной Европе и ее связи с Византией. Первым образцом такого храма можно было бы считать капеллу в Лорше (около 900 г.), расположенную над тремя арочными проходами, однако раскопки показали, что она никогда не была частью стены и потому относится не к надвратным церквям, а к храму над «галереями» (ср. свв. Архангелов в Бачково и св. Николая в Гелати)⁴⁷. Нельзя отнести к надвратным храмам и церковь св. Симеона в Трире, встроенную вскоре после 1035 г. в римские ворота *Porta nigra*, где жил в X в. прп. Симеон: при сооружении храма проемы ворот были заложены, а рядом были сооружены новые ворота св. Симеона⁴⁸. Трудно считать прототипами надвратных храмов и известные в Западной Европе небольшие храмы над западным порталом храма (например, в Сан-Пьетро-ин-Ватикано, Ключи II, Сен-Филибере в Турнюсе): они относятся скорее к категории приделов на хорах.

Настоящие надвратные храмы появляются только в начале XII в. в Германии. Самый ранний известный нам пример — капелла св. Михаила над внутренними воротами монастыря в Гросскомбурге (около 1125 г.)⁴⁹. С середины XII в. церкви появляются и над оборонительными воротами германских замков и дворцов (например, в Донауштауфе, Гельнхаузене, Вильденберге, Хагенау, Трифель-

⁴⁷ Behn F. Die Ausgrabungen im Kloster Lorsch // Zeitschrift für Denkmalpflege. 1928. Bd. 3. S. 20–35.

⁴⁸ Goethert K.-P. Porta Nigra // Römerbauten in Trier. Regensburg, 2003. S. 23–57.

⁴⁹ Gradmann E. Die Kunst- und Altertums-Denkmäler der Stadt und des Oberamtes Schwäbisch-Hall. Esslingen, 1907. S. 123.

се, Мюнценбурге)⁵⁰. Таким образом, феномен надвратных храмов появляется в Центральной Европе, а точнее, в Германии, не ранее начала XII в. Здесь важно отметить, что для многих из этих храмов известна функция храма-реликвария⁵¹, как и у церкви Спасителя на константинопольских воротах Халки, которая почиталась западными христианами⁵² и вполне могла стать первоначальным источником вдохновения для надвратных храмов Центральной Европы.

Итак, генезис надвратных храмов в восточнохристианском мире можно реконструировать следующим образом. Первый датированный из них — купольная церковь над воротами Халки Большого императорского дворца в Константинополе, возведенная в 920–944 гг. Романом Лакапином как двухколонная и перестроенная в 971 г. Иоанном Цимисхием — вероятно, в четырехколонную — как храм-реликварий и императорская усыпальница. Теснота наоса и неудобство подъема в первом храме указывают на экспериментальный характер постройки. Халкинский храм не был включен в систему обороны, а имел преимущественно символический характер.

Перестройка Халкинской церкви Иоанном Цимисхием и его превращение в почитаемый храм-реликварий породили, по всей видимости, подражания в империи, хотя и не слишком многочисленные. Эти храмы стояли также над парадными воротами, но уже не над дворцовыми, а над городскими. Такая традиция прослеживается в Крыму: храмы над городскими воротами Эски-Кермена (не ранее середины X в.?), на Мангупе и в Фуне (1459 г.), имевшие форму зального храма (на Мангупе форма неизвестна). В конце XI — начале XII вв. храм, имевший форму компактно вписанного креста или «купольного зала», был прислонен изнутри к воротам оборонительной стены находившегося под византийской властью болгарского Перника, оказавшись расположенным над городской улицей.

Еще одна новая локация надвратных церквей — ворота монастырей: это храмы над двумя воротами монастыря в понтийских Сирменах (970-е гг.?) и над воротами соседнего монастыря (?) в Варзахане (979–989 гг.?)⁵³. В Сирменах северный храм имел форму компактно вписанного креста с открытым в наос нартексом; форму компактно вписанного креста имел, вероятно, и храм в Варзахане.

Во второй четверти XI в. строится церковь Благовещения над Золотыми воротами города Ярослава в Киеве, которая, вероятно, подражала Халкинскому храму, в том числе, возможно, и в плане, и стала образцом для храмов над воротами городов и дворцов в Переяславле, Владимире, Чернигове и Новгороде. Около 1106 г. возводится Троицкий храм над воротами Киево-Печерской лавры — все сохранившиеся из этих русских храмов имели форму вписанного креста на четырех столпах. К другой традиции относятся монастырские надвратные церкви конца XII в. (в киевских Михайловском Златоверхом и Федоровском (?) и смолен-

⁵⁰ *Arens F.* Staufische Pfalz- und Burgkapellen // Die Burg im deutschen Sprachraum / Hrsg. von H. Patze. Bd. 1 (Vorträge und Forschungen; 19). Sigmaringen, 1976. S. 202–203.

⁵¹ *Ibid.* S. 203.

⁵² См.: *Janin R.* La siège ... P. 530.

⁵³ Предположение о том, что первый надвратный храм появился в IX–X вв. в афонском Иверском монастыре, повлиявшем затем на Русь (*Выголов В.П.* Надвратные храмы...), базируется на недоразумении: над воротами Ивиона был помещен образ Богоматери Портаитиссы, но не храм для нее, который был построен значительно позже *рядом* с воротами (см.: *Толстая Т.В. и др.* Иверская икона Божией матери // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 8–22; *Μέσσης Β. Ναοί αθωνικής τύπου.* Diss. T. 2. Θεσσαλονίκη, 2010. Σ. 107–110).

ском Спасском монастырях) — также купольные, но бесстолпные и квадратные в плане, т. е., вероятно, имевшие план компактно вписанного креста, возможно, под понтийским или балканским влиянием. В начале XII в., вероятно, под византийским влиянием идея надвратных церквей проникает и в Германию, где они имеют в том числе функцию храма-реликвария, подобного Халкинскому.

К сожалению, утрата почти всех византийских надвратных храмов не позволяет оценить их архитектурный облик в сравнении с другими наземными церквями. Можно только заметить, что зальные церкви Крыма выглядели скорее как еще один, аналогичный ярус ворот, купольный зал (?) в Пернике «лепился» к воротной башне, а купольные церкви Константинополя и Понта венчали типичной для X в. пирамидой параллелепипед ворот. На Руси схожий эффект производили Троицкая церковь Киево-Печерской лавры и особенно храм на Золотых воротах Владимира, где типичный для владимиристо-суздальской архитектуры середины XII в. объем был поднят на платформу высотой в 15 м (!), возвышаясь и над городом, и над его окрестностями и своим сочетанием повышенного вертикализма с пирамидальностью вполне вписываясь в «башнеобразную» тенденцию русской церковной архитектуры XII в.

С проблемой функций надвратных храмов связан вопрос об их символическом смысле. Как указывалось выше, константинопольский храм «Иерусалим» не был надвратным, а другие источники умалчивают об иерусалимской символике надвратных церквей. Нет никаких надвратных храмов и в изображениях Иерусалима на миниатюрах, как предполагал еще А.М. Лидов⁵⁴: и в Хлудовской псалтири, и в Ахпатском евангелии, приводимых как примеры этого феномена, представлена церковь за воротами (хорошо виден верх городской стены), а не над ними.

Византийские надвратные церкви практически не имели военно-оборонительной функции: ни Халкинская, ни понтийские, ни эски-керменская, построенная на месте разобранный воротной башни. Даже перникский храм прислонен к оборонительной стене с внутренней стороны. Лишенные оборонительных функций, но включенные в ограду того или иного жилого комплекса, они должны были, очевидно, символизировать божественную защиту живущих внутри⁵⁵ (подобно надвратным иконам, как на тех же воротах Халки) и одновременно освящать проходящих под ними (ср. надвратные храмы-реликварии над Халки и в Германии). Такую функцию можно обозначить и как апотропеическую: надвратные храмы не должны дать злу проникнуть внутрь ворот. В трех случаях (Халки, Эски-Кермен и Мангуп) прослеживается также связь надвратного храма с погребальным комплексом.

Напротив, на Руси храмы на городских воротах полностью не лишали последние оборонительной функции, пусть наличие церковного здания над ними и не упрощало формально работу их защитникам (хотя и могло поднимать их боевой дух). Так, владимирский храм на Золотых воротах стоял на боевой площадке, обнесенной стеной с бойницами. Неизвестны на Руси и случаи надвратного храма-реликвария, да и вообще их точные функции, как и у их монастырских собратьев, неясны. Однако это не означает, что они были лишены символизма —

⁵⁴ Lidov A. Heavenly Jerusalem: The Byzantine approach // Jewish Art. 1997/1998. Vol. 23/24. P. 343–344.

⁵⁵ Ср.: Выголов В.П. Надвратные храмы...

напротив, говоря о постройке князем Ярославом Мудрым храма Благовещения над Золотыми воротами в Киеве, летописец уточняет: «того дѣла створи Благвѣщеніе на вратѣхъ . дати всегда радость граду тому стѣмъ благовѣщеніемъ . Гснимъ . и мѣтвою стѣма Бѣда . и архангѣла . Гаврила». Ему вторит митр. Иларион, сравнивая одновременно Киев с Константинополем: «И славныи градъ твой Кыевъ величствомъ, яко венцемъ, обложиль, предашь люди твоа и градъ святыи, всеславнии, скорей на помощь христианомъ Святей Богородици, ей же и церковь на Великихъ вратехъ създа въ имя первааго Господьскаго праздника — святааго Благовещения, да еже целование архангѣла дасть Девици, будет и граду сему. К онои бо: „Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!“, к граду же: „Радуися, благовѣрныи граде! Господь с тобою!“»

Виноградов Андрей Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Школа исторических наук

ул. Старая Басманная, д. 21/4

105066 Москва

Электронная почта: auvinogradov@hse.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и Средние века
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ППС	— Православный палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РАИК	— Русский археологический институт в Константинополе
РНБ	— Российская национальная библиотека
ФО НА ИИМК РАН	— Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук
ЧОИДР	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
АСА (UՀ)	— Armenian Classical Authors. Antelias—Lebanon, Armenian Catholicosate of Cilicia (Մասնագիրք Հայոց Անթիլիաս—Լիբանան, Մեծի Տանն Կիլիկիոյ Կաթողիկոսութիւն)
ACO	— Acta Conciliorum Oecumenicorum
ANA	— Albanian National Archive
BASOR	— Bulletin of American Schools of Oriental Research
BF	— Byzantinische Forschungen
BHG	— Bibliotheca Hagiographica Graeca
BIFAO	— Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale
BL	— The British Library
BMGs	— Byzantine and Modern Greek Studies
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CCAG	— Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum
CPG	— Corpus Pseudoepigraphorum Graecorum
CSCO	— Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium
CSEL	— Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
EHR	— The English Historical Review
ÉO	— Échos d'Orient
EPHE	— École Pratique des Hautes Études, Paris

FHG	—	Fragmenta Historicorum Graecorum
GRBS	—	Greek Roman and Byzantine Studies
IEJ	—	Israel Exploration Journal
JÖB	—	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
MGH AA	—	Monumenta Germaniae historica: auctores antiquissimi
ODB	—	The Oxford Dictionary of Byzantium
PG	—	Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL	—	Patrologiae cursus completus. Series Latina
PLP	—	Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasz. 1–12. Addenda. 2 Bde. CD-ROM-Version. Wien, 2001
PLRE	—	Prosopography of the Later Roman Empire
RO	—	Patrologia Orientalis
REB	—	Revue des études byzantines
TLG	—	Thesaurus Linguae Graecae

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA XRONIKA

Том 102

2018

*Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Оригинал-макет подготовлен *А.М. Крюковым*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с предоставленными архивными оригиналами

Подписано к печати 26.09.2018

Формат 70×100¹/₁₆

Печать цифровая. Бумага офсетная, на вкл. мелованная.

Усл. печ. л. 30,32 + 2,74 ч/б вкл.

Уч.-изд. л. 29,3 + 2,17 ч/б вкл. Тираж 60 экз. Изд. № 11309. Тип. заказ

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Академика Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел.: (495) 939-34-93; Тел.: (495) 939-33-23 (отдел реализации).

e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в